

В воздухе дворца Милосердного Спокойствия повсюду витал густой, удушливый запах лекарственных снадобий.

Переступив порог, император слегка нахмурился. Издалека он заметил Ин Фушэна, который, изнуренный болезнью, сидел на кушетке, пытаясь восстановить силы. Казалось, за те несколько дней, что они не виделись, Ин Фушэн исхудал еще сильнее, превратившись в тень самого себя. В покоях стоял тяжелый, спертый жар, но юноша, казалось, совершенно не замечал этого, будучи полностью погруженным в свои глубокие и мрачные мысли.

Император едва заметно, почти неуловимо махнул рукой. Евнух Жун, привыкший понимать хозяина с полуслова, мгновенно уловил этот знак и поспешно отослал всех слуг, так что в спальне воцарилась гнетущая, звенящая тишина.

Заметив присутствие императора, Ин Фушэн пришел в себя лишь спустя мгновение. Он поспешно, почти лихорадочно откинул одеяло, собираясь встать с кровати и совершить глубокий поклон, но император остановил его властным жестом. Евнух Жун поспешил вперед, чтобы поддержать принца, опасаясь, что тот может упасть:

- Ваше Высочество, Его Величество даровал вам особое разрешение, вам не нужно соблюдать формальности этикета.

Ин Фушэн ничего не ответил. Он упрямо, вопреки запрету, опустился на колени, и в его покрасневших глазах отчетливо виднелись лопнувшие красные прожилки.

Взгляд императора дрогнул. Он видел, как шатко и неуверенно ступал Ин Фушэн, поднимаясь с постели - врожденная физическая слабость и последствия отравления, полученного уже в сознательном возрасте, были вещами совершенно разными, и обе они оставили на нем свой тяжкий след.

Последние два дня лекарь Чу проводил изнурительные процедуры иглоукалывания, чтобы вывести яд из организма, из-за чего лицо Ин Фушэна стало еще бледнее, почти прозрачнее, чем прежде. Посреди наполненных болезнью и унынием покоев он плотно кутался в тяжелую одежду, отчаянно спасаясь от пронизывающего холода. Теперь, когда он стоял перед ним на коленях, брови императора сдвинулись еще сильнее, выражая суровое недовольство:

- Встань. Если ты продолжишь так упрямо стоять на коленях, я всё равно не пощажу наложницу Нин.

Ин Фушэн замер. Он склонился максимально низко, почти касаясь лбом пола, и его голос, надломленный и хриплый, прозвучал в тишине комнаты:

- Матушка десять месяцев носила меня под сердцем, и это был тяжкий, изнурительный труд. Милость дарования жизни тяжелее самых высоких гор, и без неё не было бы меня сегодняшнего.

Услышав эти слова, император пристально посмотрел на него, а затем медленно обвел взглядом окружающие покои.

В этом небольшом боковом зале дворца Милосердного Спокойствия обстановка была предельно простой и даже скудной - Ин Фушэн жил здесь с тех пор, как окончательно обосновался во дворце.

Когда он замер в этом неподвижном, глубоком поклоне, его хрупкая фигура показалась еще меньше и беззащитнее.

У остальных принцев были собственные роскошные дворцы, а здесь, в этих скромных покоях, следы присутствия Ин Фушэна были едва заметны, почти полностью перекрытые тяжелым, въевшимся в стены запахом лекарств. Этот ребенок был искренним, но при этом хранил в себе свои собственные тайны. Вдовствующая императрица Сяо всё это время оберегала его, скрывая тревожные новости, но он, должно быть, что-то чувствовал... И всё это время он пытался всеми силами просить за наложницу Нин.

Донесения о делах, происходивших во дворце Бесконечной Радости, давно лежали на столе императора. Отношения между матерью и сыном за последние годы можно было восстановить по обрывочным словам слуг. Наложница Нин то была необычайно добра к нему, то проявляла неоправданную жестокость, но он, вопреки всему, помнил лишь её редкие проявления доброты. Даже будучи тяжело больным, он не забывал о её дне рождения и изо всех сил старался подготовить подарок, который наложница Нин впоследствии небрежно бросала в темную кладовую.

Книги и мелкие безделушки, разбросанные по всему дворцу Бесконечной Радости... Всё, что когда-либо дарила ему наложница Нин, он берег с трепетом, как зеницу ока.

Такой замкнутый, робкий и тихий характер, который совершенно не вызывал симпатии у окружающих, - разве не был он намеренно сформирован годами холодного пренебрежения со

стороны наложницы Нин?

Император смотрел на этого ребенка, которого почти довели до гибели и который теперь с таким упрямством просил о милости:

- Я знаю о твоей сыновней почтительности к матери. Ты стоишь на коленях, желая заступиться за неё.

Ин Фушэн, всё еще оставаясь на коленях, заметно заволновался при виде императора, и его тонкие руки начали мелко дрожать:

- Матушка просто заболела. Сын знает, что вина матери непростительна, но умоляю вас, отец, пощадите её хоть один раз. Сын готов сопровождать матушку в храм для лечения и молитв...

Император слушал его бессвязную, сбивчивую речь, в которой каждое слово было посвящено наложнице Нин.

Происшествие в Императорском саду было слишком серьезным и громким - наложница Нин сошла с ума на глазах у всего двора. Покушение на жизнь принца было тяжким, непростительным преступлением, за которое по закону полагался белый шелковый шнурок, и никто во дворце не сомневался, что дело закончится плачевно. Лишь Ин Фушэн до сих пор, вопреки здравому смыслу, просил за свою мать.

Даже зная о её тяжких грехах, этот ребенок всё еще искренне считал, что его мать просто больна, а не испытывает к нему лютую, всепоглощающую ненависть.

- Ты не ненавидишь её? - спросил император.

Ин Фушэн вздрогнул от неожиданности:

- Она просто больна.

Император произнес холодным тоном:

- Ты тоже болен, но жалеет ли она тебя хоть немного? Яд разбитого красного семени - будь его доза хоть чуть больше, ты бы погиб от её рук еще несколько лет назад.

Ин Фушэн с недоверием и ужасом поднял голову, его глаза лихорадочно горели, и на мгновение он словно совершенно потерялся в пространстве:

- Я... я не знал.

Император пристально посмотрел на Ин Фушэна. Ненависть была естественным чувством для обычного человека, ведь даже в императорской семье братья без колебаний шли на братоубийство ради власти. Он подумал, что этот ребенок слишком труслив или наивен, раз, столкнувшись с фактом отравления собственной матерью, он продолжает упрямо её оправдывать.

- Мир за пределами дворцовых стен огромен. Твои старшие и младшие братья вольны ездить верхом по бескрайним горам и бурным рекам. В твоём возрасте ты должен был блистать на тренировочном плацу, демонстрируя силу и ловкость. Но сейчас ты не можешь быть здоров: плотная одежда в разгар весны, одышка при самой быстрой ходьбе - ты не должен был через всё это проходить.

Император смотрел на него, и его суровый тон невольно смягчился:

- Если бы она не отравила тебя, ты бы сейчас жил беззаботно и счастливо.

Император слегка скосил взгляд и заметил на столе неподалеку раскрытое письмо, которое лежало рядом с учебными материалами.

Кончики пальцев Ин Фушэна слегка задрожали. Император медленно подошел к столу, пробежал глазами по содержанию письма и, не изменившись в лице, аккуратно закрыл его:

- Письмо от твоего деда по материнской линии, весьма искреннее.

- Ты хочешь сопровождать мать в храм для лечения, но письмо твоего деда говорит об обратном, - произнес император, в чьем голосе теперь звучали нотки холодного анализа.

Он пристально посмотрел на сына. Раньше он полагал, что этот ребенок просто искренен и чист душой, но теперь, глядя на него, император видел иное: наложница Нин не просто отравила его тело, она воспитала его трусливым и сломленным.

- Ты родился принцем, - продолжил император, и каждое его слово падало как тяжелый камень, - а значит, по праву рождения ты отличаешься от простых смертных. В этом мире одни

будут искренне полагаться на тебя, другие же – попытаются использовать в своих целях.

Ин Фушэн замер, словно пораженный громом, не в силах даже вздохнуть.

Голос императора неожиданно стал мягче, приобретая почти отеческие, наставляющие нотки:

– Те, кто полагается на тебя, должны быть людьми достойными и преданными, а те, кто пытается использовать тебя – должны стать лишь послушным инструментом в твоих руках.

Взгляд Ин Фушэна дрогнул. Он никак не ожидал, что отец, который всегда казался ему далеким и суровым, скажет ему подобные вещи, фактически открывая перед ним жестокую правду о власти и человеческой природе.

– У тебя слишком мало людей, и нет надежной охраны, – заметил император, обводя взглядом пустые покои. – После этого случая я лично выберу нескольких проверенных людей, которые останутся при тебе и станут твоим щитом. Впредь никто и никогда не посмеет причинить тебе вред.

Император слегка наклонился вперед и, наконец, протянул руку, чтобы помочь сыну подняться с колен:

– Вставай. И больше никогда не упоминай о просьбах за неё.

Услышав о предоставлении личной охраны, Ин Фушэн на мгновение остолбенел. Зная сложный и расчетливый характер своего отца, он считал это проявление заботы крайне неожиданным, почти невероятным. Не успел он даже обдумать смысл этих слов, как широкая ладонь императора легла ему на лоб – прикосновение было уверенным, но удивительно нежным. Юноша невольно вздрогнул, его зрачки расширились от неожиданности, но лишь на краткий миг, после чего он быстро подавил свое замешательство, стараясь сохранить самообладание.

– Твоей сыновней почтительности более чем достаточно, – император мягко, почти ласково убрал выбившуюся прядь волос с его лба. – Я сам распоряжусь о её судьбе, а ты сейчас должен думать лишь о том, чтобы поправляться.

Лекарь, который всё это время смиренно ожидал снаружи, поспешил войти в покои. Евнух Жун тут же позвал слуг, чтобы те помогли шестому принцу устроиться поудобнее и отдохнуть, а лекарь приступил к тщательному осмотру. Он аккуратно расставил иглы, чтобы успокоить нервную систему принца и помочь ему погрузиться в сон. Состояние Ин Фушэна сегодня было

крайне тяжелым, а сильные эмоциональные потрясения могли привести к необратимым последствиям для его и без того подорванного здоровья. О реальном положении дел и судьбе наложницы Нин он до сих пор ничего не знал, и под воздействием игл принц постепенно, медленно погрузился в глубокий, тяжелый сон.

Император не ушел сразу. Он остался стоять рядом, молча наблюдая за сыном, пока дыхание мальчика не стало ровным и спокойным.

- Ваше Величество, шестой принц уснул, - тихо, почти шепотом доложил лекарь, почтительно отступая назад.

Взгляд императора снова упал на спящего Ин Фушэна. Лишь сейчас он с некоторым запозданием осознал, что сегодня потратил на этого ребенка гораздо больше времени, чем обычно уделял кому-либо из своих сыновей.

Евнух Жун, следовавший за императором тенью, замер в ожидании дальнейших указаний, когда внезапно услышал тихий голос господина:

- Когда я успокаивал его, он боялся.

Эта едва заметная дрожь, этот мимолетный трепет быстро исчезли, но для императора, который годами оттачивал мастерство боевых искусств и привык чувствовать малейшие изменения в состоянии противника, она была очевидна. Это случилось не впервые: когда-то на дворцовом банкете, когда он позволил ребенку подойти ближе, и позже в павильоне Любования Луной - дыхание Ин Фушэна всегда сбивалось, а тело напрягалось. Но прикосновение ко лбу было жестом предельной близости, и тот страх, который Ин Фушэн так стремительно попытался скрыть, был для императора чем-то вроде врожденного, глубоко укоренившегося инстинкта.

Почему принц, живущий в роскоши и оберегаемый стенами дворца, испытывает такой первобытный страх перед прикосновением отца?

Евнух Жун, много лет прослуживший при императоре и знавший все его мысли, сразу понял, что речь идет о влиянии наложницы Нин.

Медицинские карты Ин Фушэна за последнее время были детально представлены императору. С тех пор как стало известно о применении яда разбитого красного семени, лекарь Чу подтвердил страшную истину: Ин Фушэн был отравлен еще в младенчестве, и токсин проник в

самые глубокие слои его организма, поразив внутренние органы. Постоянное воздействие яда, изнуряющие головные боли и приступы тошноты, вероятно, стали для него привычной нормой жизни. Яд, который с трудом вынес бы даже крепкий взрослый мужчина, для маленького Ин Фушэна с самого детства стал естественным состоянием существования.

Он вел себя как обычно, проявляя пугающее равнодушие к собственным страданиям, спокойно относился к ночным кошмарам и боли.

Если бы лекарь не расспросил его с особой тщательностью и настойчивостью, никто бы и не догадался, какие невыносимые мучения он переносил всё это время. Даже опытные лекари не могли сдержать слез, читая отчеты: когда такой крошечный ребенок подвергался воздействию яда и несколько раз оказывался на грани смерти, как наложница Нин могла оставаться в стороне и смотреть на это с холодным безразличием?

«Яд разбитого красного семени, помимо физической слабости, может серьезно повредить рассудок принца», – слова лекаря Чу эхом отдавались в ушах императора. Каждое слово в медицинском отчете звучало пугающе: «В будущем шестой принц может уступать другим принцам в сообразительности и быстроте мышления, а определенные странности в поведении будут считаться нормой. Мы приложим все усилия, чтобы вывести остатки яда... но нанесенный ущерб, скорее всего, необратим».

Лекарь Чу обнаружил ужасающий факт: ребенок за годы страданий просто перестал чувствовать боль в ее обычном понимании.

Даже во сне Ин Фушэн спал беспокойно, его лицо было искажено тенью тревоги. Когда император уже собирался уходить, юноша в полузабытьи тревожно потянулся в его сторону. Но как только рука императора приблизилась, он осторожно, почти неосознанно сжался в комок, словно пытаясь защититься от возможного удара – только в такой позе он мог почувствовать себя в относительной безопасности.

– И вправду, слишком простой и беззащитный характер... – император опустил глаза, глядя на его беспокойный, измученный вид. – Оставьте людей присматривать за ним круглосуточно, при малейшей необходимости немедленно вызывайте лекаря. А что касается тех, кто тайно передавал письма для семьи Нин, с ними можно разобраться в строгом порядке.

Император пробыл во дворце Милосердного Спокойствия необычайно долго, и эта новость

мгновенно разлетелась по всему гарему, достигнув каждой наложницы. После громкого инцидента в Императорском саду император впервые посетил дворец Милосердного Спокойствия, провел там столько времени, а после еще и лично вызвал главного лекаря. В последние дни лекари стали частыми гостями в этих покоях, и даже доверенный евнух Жун несколько раз лично посетил это место.

Во дворце Земного Спокойствия императрица Сюй, узнав о происходящем, проявила милосердие и приказала отправить во дворец Милосердного Спокойствия ценные подарки и лучшие лекарства.

Такое необычное внимание со стороны императорской четы заставило наложниц всерьез задуматься. Вскоре по дворцу начали просачиваться осторожные слухи.

- Секретарь Нин отправляет письма во дворец? Неужели это правда? - с искренним удивлением спросила благородная супруга Юнь, обращаясь к своей служанке.

Дворцовая служанка, склонив голову, ответила:

- Да, говорят, что шестой принц твердо намерен лечить наложницу Нин и даже осмелился просить за неё перед Его Величеством... После этого он, кажется, потерял сознание от изнеможения, и только тогда император вызвал лекаря. Я узнала, что состояние шестого принца, скорее всего, уже не улучшится. Яд разбитого красного семени обладает чудовищной силой; обычный человек сойдет с ума за несколько лет, а шестой принц был еще совсем ребенком, когда яд проник в его органы. Узнав об этом, император строго запретил лекарям разглашать подробности, и даже официальные медицинские записи были уничтожены.

Служанка не договорила, но благородная супруга Юнь всё поняла без слов.

Если яд проник в жизненно важные органы, значит, он неизбежно поразил и мозг. Даже если шестой принц поправится физически, он, вероятно, навсегда останется ограниченным в уме и не очень смысленным.

Благородная супруга Юнь вспомнила странное и пугающее поведение наложницы Нин в храме Защиты Государства. Раньше ей это казалось просто причудой или следствием безумия, но теперь она осознала, насколько глубокой, черной и иррациональной была ненависть наложницы Нин к собственному ребенку. Она слышала о различных психических расстройствах, но наложница Нин стала первой женщиной, которую она встретила, способной быть столь жестокой по отношению к своему первенцу.

- Как прискорбно, что ему досталась такая мать, - с глубоким вздохом произнесла она, в чьем голосе слышалось не столько сочувствие, сколько холодное любопытство. - И даже после всего пережитого, после всего этого ужаса, он продолжает умолять о милости для неё.

Просто никто в этом прогнившем дворце не ожидал, что шестой принц окажется настолько прямолинейным и, в глазах окружающих, наивным. Когда все уже окончательно решили, что наложница Нин бесповоротно сошла с ума и стала обузой, только он один, движимый искренней сыновней почтительностью, продолжал с преданностью заботиться об этой женщине и неустанно искать для неё лучших врачей... В его глазах была лишь мать, и он, казалось, совершенно не понимал двусмысленных намеков и скрытых мотивов семьи Нин.

Все остальные обитатели дворца лишь обсуждали безумие наложницы Нин, в то время как секретарь Нин, действуя расчетливо, отправлял письма, пытаясь искусственно воздействовать на чувства шестого принца. Его целью было заставить юношу встать на сторону семьи Нин и стать их голосом при дворе. Семья Нин вовсе не была глупой: они прекрасно понимали, что император не потерпит подобного позора и безумия в своем гареме и наверняка сурово накажет виновную. В такой критической ситуации письма семьи Нин были не более чем циничной попыткой использовать шестого принца как живой щит, чтобы продемонстрировать свою «заботу» перед императором и таким образом найти единственный возможный путь к спасению.

В конце концов, в глазах двора шестой принц оставался абсолютно невиновным, и император, как считали многие, всегда будет заботиться о его будущем, несмотря ни на что.

- И вправду, как заметил Его Величество... слишком искренний ребенок, - благородная супруга Юнь отпустила служанку, предварительно приказав ей передать часть этих новостей первому принцу, и тихо пробормотала себе под нос: - Что ж, будет весьма любопытно посмотреть, как именно император решит поступить с семьей Нин.

Подозрительное и необычное отношение императорской четы заставило наложниц строить самые разные догадки, сплетая интриги в своих головах. Однако не успели они прийти к какому-либо общему выводу, как император издал официальный указ. В документе подробно говорилось о полной потере морального облика наложницей Нин, и формулировки, использованные в тексте, были беспрецедентно суровыми и беспощадными. Её не только лишили высокого титула благородной супруги, но и приказали немедленно отправить во дворец Древа Феникса, строго запретив покидать его пределы без специального императорского приказа.

Лишь учитывая глубокие чувства шестого принца и его мольбы, император решил не казнить наложницу Нин на месте, что уже само по себе было актом необычайного милосердия.

Однако дворец Древа Феникса не был обычным местом жительства. Для всех обитательниц гарема это было мрачное пристанище, сохранившееся еще со времен покойного императора. Он располагался в самой холодной и глухой части дворцового комплекса, был заброшен и почти полностью зарос дикими сорняками. В прошлые годы в этих стенах держали наложниц, совершивших самые тяжкие и непростительные преступления.

С момента восшествия нынешнего императора на престол ни одна женщина в гареме не наказывалась столь сурово. Отправка во дворец Древа Феникса фактически означала полную, абсолютную изоляцию от внешнего мира. В указе формально упоминалась сыновняя почтительность шестого принца, и император, помня о том, что эта женщина когда-то родила ему сына, разрешил лекарю ежедневно посещать её для осмотра. Однако он наложил строжайший запрет на её встречи с кем-либо, кроме шестого принца.

Подобной формулировкой можно было обмануть чистосердечного шестого принца, но никак не опытных и прожженных обитателей дворца. Отправка в холодный дворец, даже при условии предоставления медицинского ухода, означала пожизненное заключение в четырех стенах. Будет ли она лечиться или медленно угасать – теперь зависело исключительно от прихоти и воли императора. Своими поступками она безнадежно опозорила императорскую семью, и, попав во дворец Древа Феникса, она могла лишь смиренно ждать своей смерти.

Наложницы, когда-то попавшие во дворец Древа Феникса, либо умирали в полном одиночестве, либо окончательно сходили с ума – ни у одной из них никогда не было благополучного конца.

После оглашения этого сурового наказания наложницы в гареме буквально содрогнулись от осознания жестокости приговора.

- С наложницей Нин покончено, - шептались они.

- А как же шестой принц? Теперь, когда с наложницей Нин поступили столь решительно, разве не пришло время позаботиться о его будущем и найти ему опору?

Наложницы тут же начали строить свои тайные планы.

Император был чрезмерно занят государственными делами и крайне редко посещал гарем, а за последние годы в семье не рождалось новых детей, поэтому все внимание наложниц сосредоточилось на шестом принце. Он был еще совсем мал, пользовался редкой любовью императора и вдовствующей императрицы Сяо, а теперь еще и стал жертвой собственной матери – такой ребенок, по их мнению, больше всего нуждался в заботливой приемной матери.

Согласно строгим дворцовым правилам, если биологическая мать принца умирала или попадала в опалу, а ребенок оставался слишком мал, его воспитание передавалось другой наложнице. Так, например, после смерти матери восьмого принца его воспитанием занялась сама императрица Сюй.

Не дожидаясь официального указа императора, многие наложницы начали тайно разузнавать обстановку во дворце Милосердного Спокойствия, пытаясь прощупать почву. Благородная супруга Юнь пошла еще дальше и открыто отправилась во дворец Милосердного Спокойствия с визитом, принеся шестому принцу множество дорогих и изысканных подарков. Остальные, не желая отставать, поспешили последовать её примеру.

Императрица Сюй уже воспитывала восьмого принца, а у благородной супруги Юнь было двое собственных сыновей. Подходящие кандидатуры среди наложниц имелись, но выбор был непростым и требовал осторожности.

Однако спустя несколько дней император издал новый указ, который поверг всех в шок: шестой принц будет постоянно проживать во дворце Милосердного Спокойствия и находиться под личным воспитанием вдовствующей императрицы Сяо.

Этот указ удивил не только обитателей гарема, но и весь императорский двор. В таком нежном возрасте шестому принцу жизненно требовалась поддержка влиятельного материнского рода, но император, вопреки всем традициям, передал его под опеку вдовствующей императрицы.

Когда во внешнем мире, среди чиновников и придворных, начались жаркие споры о справедливости наказания наложницы Нин и правильности выбора воспитателя для принца, вдовствующая императрица Сяо строго приказала не допускать никаких слухов в пределы дворца Милосердного Спокойствия.

Никто не осмеливался даже заикнуться об этом перед Ин Фушэном, и даже о том, что наложница Нин теперь томится в холодном дворце, окончательно утратив рассудок, он ничего не знал.

Ин Фушэн узнал об истинном положении дел от Суньяня только после того, как проснулся в тот день, когда император покинул его покои.

В глазах всех окружающих он должен был выглядеть как идеальный, любящий сын – робкий, незащищенный и искренне просящий о милости. Когда пришло письмо от семьи Нин, он заранее знал, что это спровоцирует визит отца, но дальнейшее развитие событий всё же превзошло его самые смелые ожидания.

Сердце императора было подобно глубокому омуту, его истинные помыслы было почти невозможно постичь. За две свои жизни Ин Фушэн мог лишь догадываться о подлинных намерениях отца. При таком характере, какой был у императора, наложница Нин, посмевавшая покушаться на жизнь собственного сына-принца, не могла остаться в живых – этот приговор был вынесен задолго до того, как он открыл рот.

Просил он о милости или нет – это никак не могло изменить окончательного решения отца, но этот жест можно было использовать в своих целях.

Его отец действовал решительно и беспощадно, и даже он, будучи полувзрослым ребенком, вызывал у него определенные подозрения, не говоря уже о череде внезапных и странных событий. Его дед по материнской линии в последнее время стал весьма влиятелен при дворе, и теперь, когда случилась беда, многие политические игроки жаждали полностью уничтожить семью Нин. Как только наложница Нин попала в опалу, секретарь Нин не мог рискнуть и обратиться к наследному принцу, поэтому единственным шансом на спасение оставался он.

Отправка письма в этот момент попала точно в самое болезненное и чувствительное место императора – в его подозрительность.

Для принца иметь слишком влиятельный материнский род и поддерживать с ним тесные, открытые связи – значило автоматически стать целью для подозрений императора. Но принц, лишенный поддержки материнского рода, с болезненным телом и репутацией «безобидного»... такая ситуация была совершенно иной и гораздо более безопасной.

– Ваше Высочество, нужно ли расставить эти книги на полках? – осторожно спросил Суньянь.

Ин Фушэн пришел в себя и увидел, что тетушка Юй вместе со слугами переносит в его комнату новые вещи. Боковой зал был невелик, но постепенно заполнялся предметами комфорта и уюта – это была прямая воля вдовствующей императрицы Сяо.

Он внутренне приготовился к любому исходу. Если бы отец решил отправить его на воспитание к другой наложнице, он бы нашел способ отказаться, снова сославшись на преданность наложнице Нин, но он никак не ожидал, что вдовствующая императрица сама проявит инициативу и оставит его у себя.

Она освободила его от утомительных утренних приветствий, позволив оставаться в покоях и сосредоточиться на лечении. Он видел её редко, но в каждой детали обстановки, в каждом жесте слуг чувствовалась её тихая и искренняя забота.

Ин Фушэн быстро скрыл мелькнувшие в глазах сомнения:

- Расставь их так, как считаешь нужным, Сунъань.

- Этого вполне достаточно.

- Во дворце Бесконечной Радости всё еще остались ваши вещи, и тетюшка уже отправила туда людей, чтобы забрать их, - с явным энтузиазмом сообщил Сунъань.

Ин Фушэн быстро осознал, что любые споры в данной ситуации окажутся бесполезными, и решил просто замолчать. Он долго и задумчиво наблюдал за этой суетой, за тем, как переставляют мебель и раскладывают свитки, пока за окнами окончательно не сгустились сумерки и не стемнело.

- Через пару лет все эти вещи всё равно станут старыми, - тихо, почти про себя заметил Ин Фушэн.

Сунъань с улыбкой ответил:

- Тетюшка Юй строго наказала, что у принца должно быть абсолютно всё, что ему полагается по статусу. Теперь во дворце Милосердного Спокойствия будет жить наш маленький принц.

Ин Фушэн почувствовал, как к щекам прилила кровь, и он невольно покраснел. Несмотря на то что он уже очень долго и искусно играл роль покорного ребенка, он всё еще не мог до конца привыкнуть к подобным словам. Он слегка насупился и пробормотал:

- Я уже совсем не маленький.

Сунъань, искренне удивленный этой внезапной вспышкой самостоятельности, переспросил:

- А?

Ин Фушэн ничего не ответил. Он лишь долго и задумчиво смотрел на новое, мягкое одеяло, которое теперь укрывало его, не в силах до конца прийти в себя от этого простого жеста заботы. Почему такая незначительная мелочь, как новое одеяло, кажется ему чем-то невероятным и удивительным? Это было странно и даже немного пугающе.

Сунъань и остальные слуги, закончив свои дела, вскоре тихо удалились, стараясь не шуметь и не мешать ему полноценно отдохнуть.

Ин Фушэн медленно выпил горькое лекарство и уже собирался лечь в постель, чтобы погрузиться в сон, как вдруг замер, услышав голос:

- Ваше Высочество, люди, присланные Его Величеством, прибыли и ожидают вас.

Император принял решение назначить шестому принцу личную охрану. В нынешнее время из всех сыновей лишь наследный принц обладал личной гвардией, лично отобранной и назначенной императором; все остальные же принцы были вынуждены самостоятельно подбирать себе людей, полагаясь на собственные связи и ресурсы.

В покоях благородной супруги Юнь, когда эта новость достигла её ушей, она была увлечена искусством икебаны, сосредоточенно расставляя цветы в вазе. Услышав доклад служанки, она на мгновение замерла, и выражение её лица слегка изменилось, отражая смешанные чувства.

- Прислал личную охрану шестому принцу... - задумчиво произнесла она. - Император и вправду проявляет к нему необычайную доброту. Не спеши с докладом остальным, просто сообщи об этом моему сыну.

Она отставила вазу в сторону и добавила с едва заметной усмешкой:

- Беспокоиться в этой ситуации должны вовсе не мы, а наследный принц. Первый принц, как

только узнает об этом, непременно поймет, что следует делать и какие шаги предпринять.

То, что император лично и специально назначил двух охранников шестому принцу, мгновенно разлетелось по всему дворцу, словно лесной пожар, и вскоре вышло далеко за его пределы. Теперь весь двор, затаив дыхание, наблюдал за стремительным падением и позором семьи Нин. Секретарь Нин до этого момента был настолько влиятелен и уважаем, что многие в придворных кругах уже открыто прочили его на высокую и престижную должность министра обрядов.

Семья Шэнь изначально была крайне обеспокоена шатким положением шестого принца, но теперь, когда император прислал ему личную охрану, Шэнь Чанцунь наконец смог вздохнуть с облегчением. Еще во время разбирательств по делу о военном доверии он прозрел и понял, что отношения принца с его родней по материнской линии были далеко не лучшими, а семья Нин даже открыто чинила ему препятствия при дворе, стремясь ослабить его влияние. Письмо, которое принц отправил ему после завершения того дела, не просто спасло семью Шэнь от возможной катастрофы, но и заставило Шэнь Чанцуня окончательно всё понять.

- В ближайшие дни, когда будешь находиться во дворце, кроме выражения искренней заботы о принце, не проявляй ничего лишнего, - наставлял Шэнь Чанцунь, глядя на сына с предельной серьезностью.

Шэнь Юньфэй замялся, и в его голосе прозвучало явное сомнение:

- А как же сам принц...

Шэнь Чанцунь спокойно и уверенно ответил:

- Не волнуйся. У принца есть свои собственные способы решения этого дела.

Семья Шэнь предпочла не поднимать лишнего шума и не привлекать к себе излишнего внимания, однако многие другие чиновники при дворе начали с пристальным интересом присматриваться к шестому принцу. Тот факт, что его не передали на воспитание другим наложницам, а оставили под опекой вдовствующей императрицы Сяо, имел колоссальное значение. Несмотря на то что она была вдовствующей императрицей, за её спиной стоял могущественный род Сяо, который уже однажды возвел на престол императора. Если шестой принц в будущем решит вступить в борьбу за власть, семья Сяо вполне могла стать его главной опорой и поддержать его стремления.

Пока чиновники в кулуарах бурно обсуждали эти перемены, Ху Бую, внимательно наблюдая за действиями семьи Шэнь и прислушиваясь к их разговорам, глубоко задумался о сложившейся ситуации.

Он пришел к однозначному выводу: раз Ин Фушэна передали под защиту вдовствующей императрицы, семье Нин окончательно пришел конец.

Факт того, что император лично и специально назначил охрану шестому принцу, заставил весь двор затаить дыхание и насторожиться. Вскоре после этого в министерстве обрядов кто-то, почуяв ветер перемен, подал официальную жалобу на секретаря Нина, скрупулезно припомнив все его прошлые ошибки и промахи.

Воспользовавшись громким инцидентом с наложницей Нин, император нашел идеальный предлог для того, чтобы обрушить всю мощь своего гнева на семью Нин и подвергнуть её суровому, беспощадному наказанию.

В тот момент, когда наложница Нин совершила столь тяжкое преступление, император незамедлительно прислал охрану шестому принцу. «Старые лисы», облакавшие власть в хитрость и интриги, прекрасно понимали истинное намерение правителя: он четко и однозначно отделил Ин Фушэна от его порочного материнского рода. И в этом была железная логика: как мог император не испытывать глубокой неприязни к семье Нин после того, как такая злодейка, как наложница Нин, хладнокровно отравила собственного сына?

В одно мгновение, еще до того, как император успел вынести окончательный и бесповоротный вердикт, множество придворных, почуяв слабость жертвы, устремились нанести сокрушительный удар по семье Нин.

Пламя гнева, которое изначально было направлено лишь на министра обрядов, стремительно перекинулось на весь род Нин. Секретарь Нин пребывал в полном отчаянии, а партия первого принца, желая использовать этот крах как удобную ступеньку для достижения собственных корыстных целей, начала оказывать на них жесточайшее давление. По всему дворцу поползли ядовитые слухи о том, что и министр, и секретарь глубоко замешаны в масштабной коррупции.

Семья Нин пребывала в состоянии истинной паники, лихорадочно ища хоть какие-то пути к спасению, но все их попытки оказались тщетными. Император незамедлительно снял секретаря Нина с занимаемой должности, и под удар попали даже те родственники семьи Нин, что занимали второстепенные посты при дворе: кого-то с треском уволили, кого-то унижительно понизили в чине... Раньше, когда семья Нин совершала ошибки, император не проявлял столь открытого и яростного гнева, и теперь все окончательно осознали: семье Нин

пришел конец.

Когда эта новость достигла ушей наследного принца, тот как раз занимался учебой, но известие настолько выбило его из колеи, что он отвлекся, и на белоснежной бумаге расплылось огромное, уродливое чернильное пятно. «Отец прислал ему охрану?» – пронеслось в его голове. – «Почему этот никчемный мальчишка удостоился такой высокой чести?»

В последние дни дело наложницы Нин было главной темой всех разговоров во дворце. Отец больше всего не любил в шестом брате его врожденную трусость и робость, ведь, если не считать той искренности, которую император иногда хвалил, у Ин Фушэна не было никаких выдающихся способностей – он казался даже более бездарным, чем восьмой принц. Почему же он заслужил такую неожиданную и щедрую любовь императора?!

– Ваше Высочество, вы слишком утомились, – раздался сбоку мягкий, осторожный голос. – Пожалуйста, отдохните сегодня.

Наследный принц вздрогнул от неожиданности и, подняв голову, увидел пожилого мужчину, входящего в дверь. Это был секретарь Сюй!

<http://bllate.org/book/18055/1731098>